

Хорошо, что существует школа и надо в нее ходить. Школа – это большая тусовка, где ежесекундно происходит масса событий, иногда – с непредсказуемыми последствиями. В ноябре светает поздно, уроки начинаются в полумраке, ученики сидят полусонные. Должно произойти нечто незаурядное, чтобы они оживились на первом уроке. Сегодня по расписанию у 9 «А» первым стоит английский. На уроке возникла занятная перепалка.

– The most excellent and lamentable tragedy of Romeo and Juliet, – стараясь читать выразительно, начала доклад отличница Николь Сафина. Недели две назад Марго объявила: «Кто хочет повысить итоговые баллы, подготовьте реферат по английской литературе, презентуйте на уроке. Зачтется». Всем и без перевода ясно было, о каком произведении будет доклад. Однако сразу все пошло совершенно не так, как можно было предположить.

– Что выпила Джульетта, чтобы отключиться на три дня? – внезапно прервал одноклассницу Намин. – Как эта штука называется, которая в транс вгоняет?

Вопрос повис в воздухе. От Хмурого такого классного вопроса никто не ожидал. Месяца два назад Намин случайно наткнулся на телепередачу, где рассказывалось, что, выпив особое снадобье, Джульетта уснула мертвецким сном, потом проснулась или ожила – кому как нравится. Вырубиться по желанию и перезагрузиться очень захотелось ему в тот момент, раз это реально! С тех пор дотошное «как достать» крепко застряло в башке и сейчас самовольно вырвалось наружу.

– С каких пор Намин стал выступать? Шекспира читал? Не верю. Во-первых, не «штука», а зелье. Во-вторых, о каком трансe речь? – пыталась взять верх, опешившая от наглости Намина, Марго. – Откуда сведения про зелье, а? Надо будет переговорить с родителями.

Угроза не сработала, класс загудел. «Да, так и поверили, отключка на три дня от снотворного не бывает», – кричали мальчишки. «Неужели пульс не прощупывался?» – недоумевали девчонки. Учитель и ученики говорили одновременно и громко, никто никого не слушал. Англичанка что-то объясняла про летаргический сон, кому, художественный вымысел. Ученики как с цепи сорвались, возбужденно галдели: «Шекспир врать не будет». Презентация была успешно сорвана. Учительница не нашла ничего другого, кроме как прокричать «Stop talking» и объявить в наказание опрос домашнего задания, – любимая учителями контрмера за ненадлежащее пове-

дение класса. Потом опомнилась, наказать – значит – прогнать, вежливо попросила: «Please, continue». Николь дочитала доклад, хотя никто не вникал в сюжет трагедии. Всех занимал описанный Шекспиром вариант снадобья. Оно выглядело уж очень привлекательно: выпил, уснул, проснулся отдохнувшим, проблемы рассосались. Кто не мечтает об этом?

Марго удалось формально погасить возбуждение в классе, но информация взорвалась как атомный гриб и сделала свое дело. Вопрос оказался насущным для всех – мальчиков и девочек, двоечников и отличников. Они искали ответ, существует ли такое зелье и, главное, как его попробовать. На перемене ребята перебирали варианты, но не смогли найти удовлетворяющее большинство объяснение. Одноклассники подходили к Робби, выражали уважение, называли реальным пацаном. Намин – реальный пацан?! Тот, которого не замечали учителя и одноклассники? Подошла сама Николь: «Я почему-то не обратила внимания на этот нюанс. Действительно, как ей удалось так глубоко уснуть?» Тем временем в учительской англичанка эмоционально описывала, какой именно момент знаменитой пьесы интересует старшеклассников. Учителя повозмущались, поохали и разбежались по кабинетам. Марго понимала, следовало бы сообщить Наминным про странный интерес их сына. Как найти время и силы сделать это? В конце концов, это обязанность классного руководителя, она не руководительница 9 «А», и этой спасительной мыслью успокоила себя Марго.

Намин наперед знал, несмотря на угрозу вызвать родителей, Марго этого не делает, комиссии в школе, учителям не до внеучебных проблем. Им всегда не до внеучебных проблем. И без комиссии вечно жалуются на цейтнот и канцелярскую писанину. Марго была «нормальной теткой», по пустякам кипиш подымать не будет: любит свой предмет, за что ее уважают в школе. Марго, чтоб приблизить английский язык к ученикам, привела пример, как звучат их имена на английский манер. Сокращенные имена закрепились за ребятами: Робби, Тим, Дэн, Раффл, Ди, и так далее, – не имена, ники. На физкультуре, подавая пас, легче крикнуть Раффл вместо длинного Ра-фа-эль, а Ди в секунду превратило Динару в принцессу. Упрощенные имена затушевывают национальную принадлежность и придают немного киношного имиджа. Красавицу и отличницу Веронику тоже перестали называть полным именем, но сокращенное Ника не прижилось. Николь выделялась не только именем, она была с другого этажа благополучия, но держалась со всеми естественно и демократично.

Робби был особо благодарен Марго. С ее легкой руки официальное имя Намина стерлось из памяти одноклассников. Прежде всего, оно стерлось из его собственной памяти. Робби ужасно не нравилось его настоящее имя; предельно огорчало, как родители называли их с братом. Дети простых трудяг должны носить не столь вычурные имена – Роберт и Альберт, а имена попроще, местные, без претензий. Впрочем, братик всем был доволен – Альберт так Альберт. Новое имя у Робби вызывало ассоциацию со статным сильным полицейским, имя льстило, хотя вряд ли подходило худосочному, оттого казавшемуся длинноватым, подростку. Бабушка твердила: «мы из породы гончих, никогда толстыми не бываем». Перспектива трансформироваться в качка, по оценкам самого Робби, была нулевая при любом усердии в спортзале, поэтому он даже не пытался улучшить внешние параметры, подаренные родительскими генами.

После перепалки на уроке английского на Робби надели лавры героя дня, сколь редкие в его биографии. Таинственная, еле заметная улыбка блуждала только в глазах, губы не растягивались в улыбку исключительно благодаря усилиям воли. Робби не торопился домой, там ждала скукота и бабулин обед. Голод не тетка, так что вернулся Робби в квартиру после утренних минут славы, нигде не задерживаясь. Накормив внука, бабушка, как правило, уходит в магазин за продуктами или к подругам пообщаться.

Для Робби наступает любимое время суток. Он в квартире один, родители не работают, братишка в детском саду, бабушка в гостях. Абсолютно один, кругом тишина, он может думать о чем угодно, не стесняясь, что подслушают его мысли. Когда семья рядом, они догадываются, чем забита его голова. Оставшись наедине с самим собой, он ложится на диван в маленькой, самой теплой, комнате без одеяла и подушки, тесно прижавшись к спинке, и начинал представлять. Представлять, как они оказались в укромном, безопасном, и, обязательно, темном месте; он начинает ее раздевать, она стесняется и сопротивляется, он ее нежно уламывает, гладит, обнимает, целует; они просто лежат рядом, согреть друг друга, он чувствует ее, как чувствует спинку дивана. Кто она? Обычно героиня из какого-нибудь фильма, которая запомнилась пластиковой, обаянием, характером и, конечно, красотой. Представлять реальную девушку в роли «она» не получается. Незадолго до прихода домашних, он выходит из сеанса релакса, включает телевизор, пылесос, воду в ванной, – что-то, что свидетельствует, что жизнь бьет ключом.

Первой возвращается бабушка. Робби встречает её привычным: «пойду, свежим воздухом подышу?» «Недалеко от дома» – звучит в ответ столь же дежурное напутствие. Напутствие излишне, он всегда дышит воздухом на обсаженной большими деревьями детской площадке, на которую выходят окна близлежащих домов. Детская площадка – центр жизни их квартала. По утрам сюда приходили взрослые опохмеляться, вольготно рассаживаясь на скамейках. Днем и вечером пространство всецело принадлежало подрастающему поколению и собакам. Ночью с площадки нередко доносились ругань и вопли, пока обходилось без криминала. Находиться на детской площадке было гениальной тактикой малышни и подростков. Дети, большие и малые, вроде на виду, хотя о чем толкуют и что делают на самом деле, из окон смотрящие на них взрослые не подозревают. Ребята и девочки постарше умудряются курить, попить пиво и целоваться на площадке так, что их не могут уличить в непозволительных занятиях. Пацаны и девчонки помладше развлекаются активнее: дерутся, разминаются на турниках, прыгают через ограду площадки, разгоняют качели до перекадины. Трудно назвать прыжки через ограду паркурром, все же, они дают хоть какую-то радость мышцам. На доморощенный подростковый экстрим жители квартала не обращают внимание. Главное занятие тех, кто кучкуется на площадке утром, днём и вечером, – это трёп. Трёп о том, о сём, обо всём!

Осенью на площадке особенно красиво. Деревья вокруг неё оголены, но не смотрятся сиротами. Золотые, багряные и медные листья толстым ковром покрывают асфальт. По ковру приятно ходить, распахивая листья, издающие то шелест, то хруст, эти звуки расслабляют и успокаивают. Лучше всего успокаивает и настраивает на философский лад костер из опавших листьев. Огонь пожирает листья, даря взамен вкусную ностальгическую горечь дымка. Попробуй, организуй костер на площадке, сразу сбегутся, кому не лень, с криками «НЕЛЬЗЯ!» Нельзя, хотя листья все равно сгниют. Нельзя, даже если дворник рядом. Скажите тогда на милость, где и как расслабляться в городе?

Когда Робби подошел к «их» скамье на площадке, там уже сидел Снайпер. За узкие глаза и любовь к охоте его отца прозвали еще в детстве Снайпером. По наследству прозвище перешло к сыну. Наверное, и внуку достанется. Снайпер-2 дорожил доверием отца, выходил во двор раньше других и раньше других уходил. Он боялся, отец мог строго наказать, то есть не взять на рыбалку или охоту, и поэтому четко придерживался правила: возвращаться домой не позже родителей. Парнишка обожал поездки в исключительно взрослой мужской компании от людей к зверям и рыбкам. В лесу, в горах или на берегу речки Снайпер ничего не боялся, ничто не выводило его из равновесия. В городе он не строил из себя крутого парня, но и унижать Снайпера

не рещались. Немногословный и наблюдательный, Снайпер был идеальным слушателем, и, судя по всему, на тот момент имел свободные уши.

Робби подсел к Снайперу и воодушевленно рассказал ему в деталях, что случилось сегодня на уроке английского языка. «Вот бы дня на три умереть, потом ожить. Надоели: плохо учишься, не думаешь о будущем, в наше время надо быть шустрым», – закончил на этом свой рассказ Робби, замолчал, задумался. «Устал от предков, нудят и нудят, не хочу быть таким, как им надо, хочу быть никаким, просто тупо жить, лучше – с кайфом», – эти мучавшие давно уже мысли вслух он не высказал, даже безобидному Снайперу, несмотря на отсутствие авторитетных пацанов. Он постеснялся. Робби – парень из массовой, солировать в массовой не положено.

Утренний успех не прошёл бесследно, в него вселился вирус дерзости. Он предложил Снайперу рассказать дядю Алика, существует ли подобие шекспировскому зелью и как его достать. Только дядя Алик знал огромное количество странных фактов и увлекательно о них распространялся. Дядя Алик, будто услышал ребят, вышел из подъезда, направился в сторону магазина. Ребята его окликнули, подошли к нему. «Дело есть, – начали ребята. – Знаешь про капли, от них можно вырубиться, родственники за мертвого примут, потом на третий день просыпаешься, как ни в чем не бывало, бодрым и веселым. Классно же? Джульетта из “Ромео три дня как мертвая была, потом ожила. Это реально?»

– Вопрос конечно, интересный, но – затыкнул было дядя Алик, но сам себя обвал. – Рецепт нужен? Жить надоело, родители достали? Схожу в магазин, расскажу, что знаю.

Долго ждать не пришлось. Местный гуру вернулся с сигаретами и хлебом, подсел к ребятам, закурил, объявил «вам не дам, самому не хватает» и начал речь:

– Так. Во-первых, йоги умеют управлять дыханием, останавливают и запускают сердцебиение, повышают температуру тела. Самые продвинутые умирают под собственным контролем, постепенно затормаживая процессы в организме. Плавно, без агонии, уплывают в смерть. В буквальном смысле за-ми-ра-ют.

– Какие йоги? Джули выпила зелье и отключилась. Лично мне непонятно, почему пульс не прощупывался, – нетерпеливо прервал дядю Алика Робби, чтоб не тот отвлекался от злобы дня.

– Перевяжи вену выше локтя часа на два и у тебя пульса не будет. Её не случайно не похоронили сразу, оставили в склепе, выжидали. Медики, не только они, могут искусственно вызывать кому. В коме человек, конечно, дышит, пульс прощупывается. Кома – это как открытая дверь в смерть. Перешагнешь порог или останешься перед дверью, никто не знает, куда перетянет. Ребята, с этим шутки плохи, – понесло дядю Алика в любимую тему. – В психушке провоцируют похожее состояние. Это, конечно, не кома, но дурняк еще тот. «Полет над гнездом кукушки» смотрели? Как в психушке из клиентов овощ делают? Могут вырубить, мало не покажется. – Дядя Алик остановился на пару минут, отгоняя воспоминание, когда он в первый раз попал в дурку. Пацаны вежливо «не заметили» минутное замешательство. – Раньше при дебюте шизофреникам вводили инсулин: человек мгновенно становится абсолютно беспомощным. Тело за секунды покрывается потом, затем начинает трясти, ноги подкашиваются, клиент падает куда придется, если, конечно, предварительно его не уложили на кровать. И начинает засыпать, как в степи глухой замерзл ямщик. Это в лучшем случае. В худшем – проваливается в небытие. Клиент обездвижен, думать практически не может. Медики, видимо, думают, мозг отдыхает от мыслей, и таким макаром «перевоспитывают» шизиков. Через два-три дня возвращают «оттуда», вводя глюкозу. После «возвращения» крыша еще круче едет, навязчивые идеи тут как тут.

– Парашютист – шизик? – Робби не намерен был слушать лекцию дальше. Есть конкретный вопрос, нужен конкретный ответ, бла-бла-бла не устраивает. Робби решил удостовериться, что Парашютист не дружит с головой.

«Парашютистом» на квартале звали взрослого уже парня, прыгнувшего летом со второго этажа пятиэтажки. Года два до прыжка он резал вены на руках, мать была дома, узрела вовремя, вызвала скорую помощь, обошлось. В этот раз, обидевшись на девушку, которую он считал своей, а она так не считала, шагнул вниз с подоконника в подъезде. В реанимации врач несколько раз спрашивал потерпевшего, с какого этажа прыгнул. Ответ, что со второго, сильно удивил врача: «Почему не с последнего?» Парашютист честно объяснил: «Я мог умереть». Тогда врач взял руку Артура, повернул тыльной стороной, увидел шрамы от порезов, спросил: «На учете?» Тот кивнул. Для Робби такой способ борьбы за предпочтения от родителей не подходит, слишком болючий и рискованный, он не дурак в инвалиды записываться или, того хуже, умереть.

– Он инфант и социопат. – Дядя Алик почувствовал, ребята не знают значение слов, продолжил понятными словами. – Ведет себя как капризный мальчик. Конечный эгоист – вот он кто. У него все виноваты, особенно мать. Не работает, не учится. Лучше бы он родился нормальным инвалидом, тогда его маме легче бы было перед соседями.

Задумались все трое. Парашютист в двадцать два года выглядит пятнадцатилетней бледнолицей девчонкой: загар не ложится, гладкие щеки не знакомы с бритвой, редким и некогда белокурым, теперь блёклым, волосам нельзя придать форму, настолько они мягкие и тонкие, как у малышей. Хрупкое телосложение, узкие плечи, длинные ноги говорили дяде Алику, что у парня запаздывает гормональное развитие. Болезнь? Характер? Поправить природу в качалке будет лениться. Встретаться с девушками, чтобы запустили механизм, тяги и денег нет. Насильно забросить в глухую деревню, пристроить на тяжелую физическую работу, чтоб мозги проветрились, а мышцы выросли, мама не рискует.

– Вместо того чтоб языком чесать, лучше спортом бы занимались, – оборвал паузу дядя Алик. Какой взрослый упустит возможность поучать подрастающее поколение? Он искреннее беспокоился, чтобы дворовые парнишки не свернули б не на ту дорожку, куда не следует. На квартале знали, где-то живут двое его сыновей и бывшая жена. Дядя Алик – бич, бывший интеллигентный человек, во всем бывший: бывший переводчик, жил и работал некоторое время в Иране, бывший муж и папа, бывший состоятельный человек. Выпускник престижного университета, он попал на работу за границу, на каникулах приезжал в родной город, здесь женился. Когда заболел – в смысле – крыша поехала, жена сдала его родителям и врачам, сама уехала жить далеко в теплые края, на юга. О лучших временах напоминали сохранившиеся у него нездешние красивые вещицы: восточные тапочки с загнутым вверх носиком, благородно потертый, но добротный кожаный портфель, пиджама из черного шелка, чеканные тарелки на стенах. Новенькие медсестры психбольницы, куда время от времени он помещался, непременно интересовались у врачей, что за пациент в необычных тапочках и в роскошной пиджаке; относились к бичу чуть внимательнее, чем к остальным клиентам диспансера.

– Други мои, как Ромео влюбились, а любить нечем, не выросло еще? Родителей шантажировать собрались? Чтобы пожалели, апельсины в больничку таскали? И так вас, засранцев, жалеют. Обидчиков всех и сразу наказать хочется? Не получится. Чхать им на ваши обиды. Главное, кто пострадает и будет всю жизнь страдать, это папы-мамы. Родители «не дотягивают», открытым текстом скажите, чего вам от

них надо, – перешел на эмоции дядя Алики и внезапно иссяк. Уже тише, вполголоса закончил, – родители для вас живут.

«Да, так и поверил. Ради себя они живут. Как можно ради кого-то жить? Живут ради себя. Кормят – не всегда вкусно, одевают – так себе, поразвлечься – какой там?!» – хотел возразить, да не стал Робби.

На площадке появился Парашютист, направился в их сторону. «Долго жить будет», – прокомментировали его появление ребята. Он явно хотел подсесть к ним. Пацаны крикнули грубое «отвали», он пошел прочь. Снайпер и Хмурый, как минимум, нормальные пацаны, общаться с чмо – с человеком морально опустившимся – не достойно их статуса. Резко наступила полная темень, родители вот-вот придут с работы. «Ой, бляха муха, – зачертыхался Робби, – заболтался, надо бегом домой, родаки на подходе». Троица поднялась со скамьи, каждый попёрся к своему подъезду. Дома он срочно создал видимость, что никуда не отлучался, делал уроки и, вообще, примерный мальчик. Создал лишь видимость, но она всех устраивает.

Перепалка на уроке английского языка, комплементы одноклассников, болтовня с дядей Аликом взбудрили Робби. Перед сном он удовлетворенно сказал себе: «В принципе есть фигня, от которой можно отключиться, быть нигде и вернуться. Проблемы улягутся, все обрадуются возвращению, снимут претензии, и живи дальше как пожелаешь. Пугают: вредно, опасно. Шекспир не пишет, что опасно. Он бы честно написал, если так, он же гений. Это не дурь, не колёса. Что это? Неважно. Важно, “оно существует и дает результат. Вот бы достать, испытать». Впервые за два месяца он быстро и сладко уснул.

ХИМИЯ

Наутро Робби проснулся в хорошем настроении. Они делили с младшим братом комнату и диван. Мелкий просыпался обычно в хорошем настроении и готовым ко всяким приключениям. Робби лень быть активным и позитивным, его с утра накрывает скукота. Не скука, именно протяжная и липкая скукота. Делать ничего не хочется, даже зевота бесит, не кончается вовремя. Одни гены унаследовали, но они такие разные, даже внешне. Почему он хмурой и нелюдимый, а Мелкий – наивный и забавный? Робби любил братишку, готов перегрызть глотку любому, надумай тот задеть Мелкого. Робби любил его не только по факту родства. Не только потому, что младший был частью жизни Робби. Робби в глубине души верил, что и он когда-нибудь превратится в открытого, доброжелательного, веселого шустрика, который примагничивает к себе внимание окружающих. У них одна кровь, их одинаково воспитывают, по крайней мере, «воспитатели» одни и те же, следовательно, вероятность правильной трансформации высока.

Как-то состоятельные родственники пригласили Наминых встретить Новый год в недавно отстроенном коттедже. Родичи провели экскурсию по дому, показали даже туалетные комнаты на обоих этажах. Когда чинно расселись за праздничным столом, Мелкий громко заявил: «А-а-а, я понял, почему у вас два туалета. Один чтобы писать, другой – чтобы какать!» Все грохнули от смеха, новогоднее настроение было обеспечено. С тех пор пересказывают эту байку всем гостям, которые заходят в их дом впервые. Наминых, кстати, родичи больше не приглашали в гости. Плебей мажорам не ровня.

На следующий Новый год Намины решили пригласить Деда Мороза по вызову. Дед Мороз пришел в назначенное время, отыграл программу, вручил подарок и ушел восвояси. Мальчик долго ходил по комнате, держа неразвернутый подарок

на вытянутых руках. Робби поинтересовался: «Мама с папой подарили?» Малыш в ответ уверенно: «Не-е, Дед Мороз. Знаешь, у него на самом деле нос красный». Робби подыграл мальчику: «борода у него есть?» Услышал «да, белая». Мальчуган решил поделиться потрясающей новостью среди соседских дошколят. Он подходил к ним и объявлял: «Ко мне сегодня Дед Мороз приходил, он – настоящий». Дворовая малышня начала подтрунивать, втолковывать дурачку про переодетого студента. Обе стороны доказывали: «врешь; нет, ты врешь; дурак, веришь в сказки; это ты дурак, Дед Мороз к дуракам не ходит, я дурак?!». Страсти накалились по-взрослому. Назревала драка, силы были неравные. Робби увидел, как дети окружили Мелкого, выбежал из квартиры, стал колбасить обидчиков Мелкого. Те мгновенно врассыпную. Через минуту братья остались одни. Мелкий, глядя прямо в глаза Старшего Брата, задал принципиально важный вопрос: «Он, в самом деле, существует?» Робби ответил искренне: «Да. Ты его по телевизору видел? Видел. Он домой к нам приходил? Приходил. К ним никогда не приходил, вот они и не верят». «А на следующий год Дед Мороз придет?» – не унимался мальчик. «Придет, придет», – заверил Робби. Мелкий удовлетворенно выдохнул «понятно», схватил руку брата, и с гордо поднятой головой пошел домой. Мало у кого во дворе были сильные старшие братья, а у него есть! Блаженная улыбка долго не сходила с лица Мелкого. Весь вечер он сокрушался, что Робби не увидел, как неожиданно к ним в гости пришёл Дед Мороз. Робби же в этот вечер думал совсем другие думы: «Зачем говорить правду? Придет время, сам поймет».

У братьев Наминых общие предки, квартира, диван. Однако имелась роковая разница между начальными страницами их жизненных историй. Отца «закрыли», когда Робби было чуть меньше, сколько сейчас Альберту. Мама много работала, бабушка жила отдельно, Робби рос сам по себе. Потом отец вернулся, бабушка продала дом, переехала в город, сообщая Намины купили большую квартиру. Вскоре родился братик и стал центром Вселенной, вокруг которого вертелась жизнь семьи. Мелкий не соприкасался с негативом ни в какой форме, как Будденок – Будда в детстве. На него не кричали, не оставляли одного, ему разрешалось пачкать обои, прыгать в постели, есть на завтрак только конфеты. Когда в детстве простывал Робби, мама ему давала противные горькие пилюли, сейчас для малышни завалили сладких сиропов и шипучих витаминов, пить которые одно удовольствие. Мелкому покупали яркую одежду, Робби – не маркую. Отец постоянно возился с младшим сыном, разговаривал с ним перед сном подолгу, носил на руках, опасно вертел, побрасывал к потолку, и всюду брал в гости: «Будет хныкать без нас с мамой». Робби в гости не брал, он «взрослый» по гостям ходить, и оставляли, как на привязи, под охраной бабушки возле телевизора.

Отец Робби не обижал, но и не замечал, разговаривал по большой необходимости и кратко: вопрос – ответ, вопрос – ответ. В присутствии посторонних формально проявлял отеческую заботу. Во время разборок по поводу учебы и поведения в школе, или соседи пожаловались, любые попытки Робби оправдаться тут же пресекались приказами: «пасть закрой», «заглохни». Нелицеприятные сцены огорчали женщин Наминых. Ради мира в семье мать и бабушка не вмешивались в разговор отца и сына, не перечили старшему Намину. «Образумится со временем», – обманывались женщины. Для них казалось важным залогом хороших отношений отца и сына в будущем то обстоятельство, что лицом и статью старший сын был копией отца, чего тот не мог не видеть. Терпел ситуацию и Робби. Ясное дело, отец ушел в места не столь отдаленные, ему было четыре года, он быстро забыл папу. Соседский мальчик бросал все игры и бросался к отцу, едва завидев родителя во дворе. Вслед за ним, с возгласом «папа, папа!» бежал навстречу соседу Робби. Малышу нужен был отец, у

других же есть. Повторялось это регулярно, пока сосед не попросил мать объяснить ребенку, кто есть «папа» и почему не он папа для Робби, а то «перед соседями неудобно, не дай Бог, поверят, что я действительно отец вашего ребенка».

Вернулся из колонии Намин, а в квартире незнакомый подросток, скрытный и подозрительный. Их подталкивали друг к другу: «обнимитесь». Мужчины, юный и зрелый, так и не обнялись. Младший сын – другое дело, он родился и рос на глазах отца миролюбивым и общительным мальчуганом. «Хорошо, что есть папа родной, биологический», – утешал себя Робби. Почти у половины класса биологических отцов не было. У кого-то «на заработках» неизвестно где, у кого-то скупой отчим или тупой мамин приходящий «друг», у некоторых вообще нет взрослых мужчин рядом. Робби-ным отцом можно было даже похвастаться в подходящий момент. Когда, например, разговор про наколки заходил. У Намина-старшего набиты настоящие наколки со смыслом, не какие-нибудь татушки для выпендрежа. И тачка не хилая, корейская. В целом, на родителя Хмурый не обижался, видел, как тот относится к младшему сыну, и мог, теоретически, также относиться и к нему когда-нибудь в будущем. Беспечный, наивный и улыбочивый Мелкий мог расположить к себе отца в любой момент. Что Робби не скажет или не сделает, – все вызывало у отца раздражение.

Зато во дворе ему никто не делал никаких замечаний, он мало с кем из дворовых ребят тесно контактил, предпочитал безмолвно торчать в компании. Откровенничал Робби с Костей. Костя Бимакин – сын подруги матери. Женщины в молодости вместе учились на педфаке, потом их жизненные дороги разошлись. Когда Намины купили квартиру, выяснилось, подруги живут в одном квартале хрущоб. Обрадовались, жизнь их вновь свела вместе, стали дружить домами. У одной муж был семь лет «закрыт», у второй – отправился с молодой женой и пасынком жить в соседний городок. Подруги болтали часами по телефону, советовались по любому пустяку, делились опытом выживания, выручали друг дружку деньгами. Мама Кости посылала сына с подарком на день рождения Робби, Робби был званым гостем на дне рождения Кости. Со временем Робби стал ходить к Косте и без повода. Туда его отпускали без проблем. Намины радовались: Робби шел общаться с примерным мальчиком, который дурному не научит. Они тайно надеялись, со временем у Робби появятся манеры Кости, пристанут хотя бы некоторые признаки привлекательной бимакинской благовоспитанности. Правда ведь, с кем поведешься, от того и наберешься

Костя – начитанный, исполнительный и замкнутый, особенно среди взрослых, пацан, младше Робби на два года. В классе открыто признают его безусловное первенство в учебе. Чтобы не произошло накануне, хоть потоп, хоть землетрясение, у Бимакина Константина будет выполнено домашнее задание по всем предметам. Быстрее него никто не решал задачи по алгебре, физике и химии, он всем давал списывать во время контрольных работ, успевал решать задания не своего варианта. В классе сложилась традиция приходить в школу за десять минут до звонка, чтобы скатать у Кости домашку по всем предметам, включая английский и ботанику. Костик не отказывался самолично нарисовать «пестики и тычинки» одноклассникам, у которых «не выходит красиво» выполнить задание по ботанике. Слово «благородный», любимое у преподавателя истории, ассоциируется у ребят конкретно с Костей, хотя в слух никто его так не называет. У Кости лишь одна слабина. Не спортивный он пацан: пропорционально сложенный, достаточно высокий и сильный, но не очень ловкий. Учителя физкультуры завышали оценки прилежному ученику, уважали Бимакина, у которого отлично тренированные мозги и манеры. Учителя ведь уважают некоторых учеников, хоть скрывают это. Бимакин – из уважаемых.

Молчаливый в присутствии посторонних, Костя становился словоохотливым, когда приезжал отец. Когда Аскар жил вместе с мамой Кости, Викой, он каждую

свободную минуту усаживал сына, или ложился рядом на диване, и начинал рассказывать. Объяснял про технику, Вселенную, дикую природу, историю народов, сюжеты книг и фильмов, читали статьи из научных журналов и энциклопедий. Отец Кости слыл большим эрудитом, Костя на пути к этому. Все, что отец рассказывал, слушать было интересно и понятно. При случае Костя пересказывал услышанное и прочитанное одноклассникам и Робби. Намин задавал много вопросов. Если оставались наедине, Костик терпеливо разъяснял, о чем спрашивал Робби. Получалось, больше говорил Костя, парень старше него внимал.

Еще Аскар делал оригинальные зарисовки и писал маслом. Костю живопись не увлекла. Его способности к рисованию сводились к тому, что один в один мог изобразить героев мультиков на обложках тетрадей одноклассников, просивших запечатлеть забавных зверюшек среди монотонных учебных записей. От отца ему перешла любовь к музыке. Костя часами слушал музыку, всякую: от старинной классики до рэповских новинок. В доме Бимакиных накопилась богатая коллекция музыкальных записей, собранная отцом, теперь пополняемая Костей. Вика была музыкантом по образованию, но музыкальные пристрастия семьи Бимакиных формировал Аскар. Вика ухаживала за своими мужчинами, занималась хозяйством, закинула нотные тетради глубоко на антресоли. Бросив музыкальную школу, пошла работать продавцом в салон элитной обуви. Папа – инженер редкой специальности, работал исключительно по специальности. Им дорожили на работе.

Отец Кости нравился женщинам. Он не ухаживал за ними, не делал намеки, держался нейтрально. Но как держался! Опрятно одетый, загорелый, мускулистый, слегка полноватый, не суетливый сдержанный в любой ситуации, никогда не грубил, не матерился. Коллеги и подчиненные не замечали его недовольство, но «техничные» ироничные комментарии воспринимались болезненнее, чем прямые упреки. В адрес женщин ирония проявлялась редко. Аскар не раз говорил Вике, что женщинам трудно уловить нотки иронии. Поэтому в адрес женщин как бы невзначай дарил только искренние комплименты, преподнесенные как уместное замечание по существу. Вика соглашалась: да, с чувством юмора у нее туго, как у всех женщин. Женщины Технического Центра горой стояли за профессионально компетентного и любезного заведующего отделом и откровенно, то есть вслух, мечтали о более тесных отношениях с ним, чем просто служебные. До Вики доходили слухи, как вздыхают женщины по Аскару, она была уверена, что он никогда не предаст ее и их сына. Вика, безапелляционная в суждениях, измену расценивала как непростительное предательство, о чем был прекрасно осведомлен Аскар.

Года три назад в отдел Аскара устроилась секретарем новая сотрудница. Обычно Аскар обходился без секретаря, тут сердце джентльмена не устояло, помог женщине в кризисные времена, взял на работу. У нее маленький ребенок, безработный и пьющий муж, развод маячит. Два месяца спустя вместо командировок, как говорилось Вике, Аскар ехал ночевать к секретарше. Вскоре компромат на Аскара разлетелся по всему Центру, чему не в малой степени способствовала сама соблазнительница. Когда Аскар вернулся из очередной, настоящей, командировки, Вика с порога вместо «привет» спросила: «Это правда, про секретаршу?» Аскар начал было: «Правда, но...». Вика не дала ни объясниться, ни извиниться, и вынесла приговор, который обжалованию не подлежал: «Мы разводимся, ты на ней женишься, не хочу мешать вашему счастью». Подруги уверяли: «женщины сами вешаются Аскару на шею, прости его». Вика настояла на разводе. Отец Кости уехал в соседний город строить новую семью.

Костя с мамой жили вдвоем. Пользуясь отсутствием Аскара, подруги Вики отмечали праздники и дни рождения в тесном женском кругу в квартире Бимакиных. После застолья начиналась главная часть этих встреч – разговоры. Говорили жен-

пцины много и громко, невольно услышишь. Костя не раз слышал, не провяи Вика тогда принципиальность, отец остался бы с ними. В новой семье Аскар воспитывал пасынка. Со временем Вика и Аскар осознали, Аскара увели из семьи, чтобы обеспечить полноценное детство этому мальчику, на восемь лет младше Костика. В каждый их приезд в деревню бабушка, не стесняясь присутствия внука, ругалась: «Ты что, слепой?! Чертова баба умного папашу собственному сыночку обеспечила, а родной должен без отца расти? Чужой ребенок никогда не будет родным! Папа вас бросал? Почему вы выросли умными и ладными, а-а-а? Комфорта ей захотелось, Вике комфорт не нужен?» Аскар никак не отвечал на возгласы, знал, надо молча переждать ярость матери. Она повозмущается, устанет, всплакнет; поплакав, успокоится, и больше больной темы не будет касаться, пока сын с внуком гостят у них. Она видела, сын осунулся, страдает без Костика. Аскар не просто скучал, он тосковал по Косте. Мысль, что сын растет без него, делала ему физически больно: сердце сжималось в спазмах, дышать полной грудью не мог, желудок язви́л, голова гудела. Образы Кости и Вики не покидали Аскара никогда. Они всегда были с ним, только на расстоянии и мысленно. Он заглушал преследовавшие его днем и ночью мысли работой и, о Боже, начал принимать таблетки! Помогало мало. По-мужицки хорошо воспитываемый пасынок не компенсировал тройную боль, которую испытывали он, Костя, Вика. Неравноценный обмен: один к трем. К черту успех на работе, если он плохой отец и неверный муж, источник всеобщей боли.

Точка невозврата пройдена, считали родители. Костя верил в обратное. Тетенька может найти другого мужа и папу сыночку, лучшего, чем его отец, его папа однажды придет к ним жить насовсем. С тех пор как отец уехал, Костя меньше видел и маму. Вика сменила работу, с утра до вечера трудилась, желая доказать, что может самостоятельно покупать сыну все необходимое. У нее получалось. Модную одежду, акустическую гитару, карманные деньги Костик имел без проблем, хотя не выпрашивал особо. Вика чувствовала, другого мужчину в качестве отца Костя не признает, хотя на открытýй конфликт не пойдет. Да и откуда появится другой? Ответственные и работающие мужчины, без вредных привычек, на дороге не валяются, чтобы поднять их и привести домой. Мириться с Аскарóм – поздно, пострадает другая женщина и маленький мальчик. Не зря говорится «на чужом несчастье счастья не построишь» и не восстановишь своё.

Костя и Робби не касались темы родительских междусобойчиков, чьих-то не было, Наминых или Бимакиных. Костя приветливо открывал дверь, если Робби приходил общаться. Намин без малейшего стеснения проходил в общую комнату, хватал конфету и садился на диван: «Ну почему у них конфеты и бананы всегда спокойно лежат на виду, а у нас выставляют на стол при посторонних? Деньжата у моих тоже водятся, на всем экономят. Плебеи – вот почему», – ответ вызвал неприятную горечь во рту, Робби аж поморщился. Историк основательно втемяшил им в головы, кто есть плебеи и аристократы. Робби сунул конфетку в рот, конфетка попалась вкусная и быстро нейтрализовала горечь (жизни).

– Историк рассказывал, когда «Титаник» тонул, аристократы стояли в стороне, чтобы женщины и дети спаслись в первую очередь, а плебеи рвались к лодкам, расталкивая всех подряд. Что слушаешь? Хорошо орет. А про что?

– Шоу маст гоу он, – Костя прокричал из кухни, он заваривал чай на кухне. – Меркьюри перед смертью записал. Переводится: «Жизнь шла, идет и продолжится, даже если без тебя».

– Ну, так не интересно, шоу без меня. В моем шоу я главный, – скомкав обертку от конфеты, Робби кинул ее на стол возле вазы.

– Согласен. Обидно, если для всех шоу продолжается, для тебя – нет. Мне лично помогает, когда настроение не то, – Костя замолчал. Сегодня настроение опять не то из-за папа-маминых дел. Приход Робби был кстати, отвлекал. – После Меркьюри тянет на Гайдна или Вивальди. Включить?

– Кто такие, почему не знаю? – Робби намеревался посидеть у Костика подольше, почему бы заодно не поумнеть.

– Типа Моцарта.

– Давай, если типа Моцарта. Уважаю Моцарта, он веселый, расслабляет, все становится до фени.

– Согласен, мажорная музыка.

– Я думал, мажоры это блатные мальчишки и девочки, упакованные на сто лет вперед.

Костя поставил нужную музыку, Робби начал о том, для чего, собственно, и пришел.

– Пахан придирается, я для него пустое место, точь-в-точь как учителя. В школе и дома все хреново.

– Волосы под ноль побрей, заметит. В школе, гарантирую, тожеотреагируют.

– Шутишь? Папаша даст по бритому котелку, мало не покажется. В школе вообще-то терпимо. Я недавно урок сорвал.

Робби рассказал историю во всех подробностях: «Короче, в «Ромео и Джульетта Шекспир про настойку пишет...». Костя ничего конкретно по таким настойкам не слышал, не читал, но идея забыть и проснуться ему тоже понравилась.

У Бимакиных Робби просветлялся и просвещался. Бимакины извинялись, когда чихали и кашляли. Сначала Робби смеялся, когда Костя извинялся. Со временем перестал подшучивать над странной привычкой Кости и стал сам извиняться, если чихал и кашлял в присутствии девушек. Обстановка в доме, уют, чистота, вкус, негромкий разговор, – все успокаивало. Ну как у них на всё хватает денег? Как Вика находит деньги на модные штучки? Никогда не кричит. Кричит, наверное, но Робби не выпадало быть свидетелем ссор в доме Бимакиных. Костя знает, где деньги лежат, берет, сколько надо. У Наминых не так. Где деньги лежат – тайна за семью печатями. Купить модные кроссовки – безнадежная затея, прозвучит предсказуемое «денег нет». Робби завидовал еще волосам Кости. Непонятно какого цвета редкие волосы Робби невозможно уложить стильно. Не то что пышные локоны Кости. Вика упростила учителей позволить Косте носить чуть более длинные стрижки, чем положено школьнику. Он выглядел романтично, как рыцарь. Косте тоже нравилось, так он больше походил на отца. Стрижка напоминала ему, что у него есть отец, только живет в другом городе. Под музыку и разговоры прошло часа два. Пацаны разгрузились от накопившихся дневных впечатлений, уравнились, сказали друг другу «пока» и разошлись. Время делать уроки.

Единственный предмет, по которому Робби делал домашнее задание по желанию – химия. Химия поражает. Он не переставал удивляться: сливаешь две бесцветные жидкости в одну пробирку, она вдруг становится желтой или фиолетовой, клубиться дымом начнет, осадок на глазах выпадает. Чего стоит натрий – металл, который режется ножом?! Неужели простая соль есть NaCl? Что соль имеет общего с хлоркой, отравой для жуков-пауков и прочих паразитов? Вонючая хлорка, которой бабушка чистила унитаз, есть в поваренной соли, и мы ее едим? Живая клетка всего лишь комбинация углерода, кислорода, водорода, азота, фосфора и серы? Химия это магия! Человек – носитель почти всей таблицы Менделеева и, следовательно, с помощью химии можно вызвать любые состояния в человеке, только надо уметь это делать. Роббиных знаний математики хватало на решение уравнений с пропорциями,

профессиональным химиком – не стать, У него неразделенная любовь с химией, баллы ЕГЭ не позволят поступить в университет. Быть ему водилой, как отец. Пусть. Робби обожал время, когда отец учил управлять машиной. Умное железо, скорость, двое мужчин, страхующих друг друга, – что еще надо для счастья и крепкого сна в шестнадцать лет?!

АЛГЕБРА

Дни шли своим чередом: школа, приятная полудрема на диване после обеда, беседы у Кости с чаем и конфетами, вечером пара фраз с предками. Посиделки во дворе прекратились, наступили холода, темнеет чуть ли не с утра. Лишь неугомонные малыши носятся по площадке как угорелые в любую, кроме дождливой, погоду. Выпал снег, укрыл убожество цивилизации покрывалом из бриллиантовых снежинок. Грипп замер, снег очистил воздух от этой бяки: нос не течет, глаза не слезятся, воздух бодрит.

Принято влюбляться весной. Робби не любит весну, особенно раннюю. Ранней весной из-под грязных ледяных корост выглядывает земля, не покрытая ничем – ни травой как летом, ни цветными листьями как осенью; обнажается мусор, которого зимой не видно. Голые и корявые сучья торчат во все стороны. Слякоть, жижа на дорогах, ноги мокнул. Бегут ручьи, журчат ручьи за городом, в городе – липкие лужи кругом. Поэтому кто как, а Робби влюбляется в декабре. Перед Новым годом взро-слых и детей затягивает в водоворот предпраздничных приготвлений: покупаются подарки, запасаются деликатесы, строятся планы. Некоторые товарищи проявляют щедрость и делают добрые дела для тех, кому хуже. На предпраздничном фоне влюбиться естественно и легко.

Влюбляется Робби исключительно в одноклассниц. Он не ходит в клубы или спортивную секцию, где можно познакомиться с девушками. Знакомиться на улице мама не велит. Влюбляется он обычно на уроке математики. На уроках математики можно рассмотреть девочек без спешки, основательно. Большая часть класса, к коей Намин не относится, сосредоточенно воюет с формулами, не вертится, не болтает. Появляется идеальная возможность установить телепатическую связь с объектом вожделения. Робби влюбляется дистанционно. Девочки ни о чем не подозревают. Впрочем, если и догадываются, что с того? Дальше молчаливого разглядывания дело не продвигается.

В пятом классе он впивался глазами в Иру, красивую и сильную девочку, она прыгала и бегала на физкультуре не хуже мальчишек. Со временем акселератка Ира превратилась в пошловатую девицу. Иру сменила блондинка Дина, симпатичная милашка. Ди, слишком послушная, податливая, прилежная хорошистка, её ладони – мягчайшие в мире. Робби однажды схватил ее за ладошку, когда она чуть не упала. Мягкость ладошки разочаровала. Не интересен человек, если не оказывает сопротивления: железобетонный столб тонет в чреве болота. Вскоре Дина перевелась в другой класс, исчезла из поля зрения Робби. С глаз долой – из сердца вон, он ее быстро забыл.

Потом наступил черед новенькой, Николь. На контрольной работе по алгебре кто не может решить сам, сосредоточен на решении задачи, как достать и списать ответы своего варианта. Робби тоже сконцентрирован. Он незаметно, как ему кажется, смотрит на Николь, точнее, на спину самой стильной и самой симпатичной девушки школы. Она обернулась, задала немой вопрос в смысле «как дела». Единственная причина, из-за которой пристально всматриваются в отличниц на уроках алгебры, это надежда получить листок с решением задания. Он очнулся, кивнул и передал ей через два стола наискосок листок с заданием. Через некоторое время Николь

поворачивается, смотрит на Робби, возвращает исписанный черновик. Удачный день, сегодня он имел целых два шанса взглянуть Николь в глаза. В прозрачно-фиштакшковые и умные по-собачьи глаза. Только собаки смотрят честно вглубь людских глаз, смотрят с мудрым пониманием и вечной преданностью. Робби искал «собачьи» глаза по жизни и схватил лично ему адресованную улыбку. Увы, отношения с Николь ограничатся этой мимолетной улыбкой, подаренной ему королевой. Кто он, чтобы мечтать, якобы Николь начнет встречаться с ним? После того как Робби сорвал урок английского языка, его статус в классе изменился, но не настолько, чтобы открыто демонстрировать свое отношение к великолепной и недосыгаемой Николь. Остается тайком любоваться ею, что он и делал.

Тут он заметил, что в спину Николь уперся взглядом Агапов, штатный провокатор. По просьбам учащихся он плёл длинные кружева, если надо было устроить шоу, дать одноклассникам возможность подготовиться к проверке домашнего задания. Сорвать опрос на уроке, пощекотать нервы учителям, провести словесную баталию и тому подобные забавы Агапов организовывал и по собственной прихоти. Заткнуть его непросто, он доходит до форменного издевательства над учителями. Однажды он довел историка до нервного срыва, подражая его манере «незаметно» поправлять вставную челюсть. Мудрый учитель подошел к Агапову, сказал: «Я хочу, чтобы ты стал учителем и у тебя были такие ученики, как ты». Пророчество сбудется, дерзкого Агапова оставят учить призывников в сержантской школе. Он не раз будет вспоминать учителя истории и жалеть, что вел себя по-свински с безобидным пожилым интеллигентом. Тихуша Намин недолюбливал шумного Агапова: Агапов входил в когорту «крутых».

– Агапов, не вертись, решай уравнение, не мешай другим, – прозвучало предупреждение.

– Я не верчусь, я решаю. Вы предвзято ко мне относитесь. – Начался процесс «работы» с учителем. – Это вы мне мешаете, прервали творческий процесс.

– У тебя ничего не написано, я отсюда вижу это, – парировал учитель.

– Как не написано? Все пока в черновике записано, не буду показывать. Черновики – прайвизи, имею право не показывать. Я когда-нибудь сдавал пустые работы? Нет. И в этот раз не сдам. Главное – результат; списал, не списал, вас не должно беспокоить, согласитесь? Президенту страны не обязательно быть умным, достаточно собрать умную команду. У меня такая команда есть, так что я «решил» свою задачу.

Перепапка Агапова с учителем и в этот раз подарила классу драгоценное «золотое время» распространить шпаргалки с ответами нуждающимся. За заслуги перед классом Николь лично решила и передала Агапову записку с ответами его варианта контрольной. У Робби отлегло от сердца: ложная тревога, Агапов не соперник, она выручила прохиндея, как всех выручает.

Требовалось пережить нахлынувшие чувства. Чувства выпирали, упрямо лезли наружу, как их не загоняй внутрь. После школы, наспех пообедав, воодушевленный мимолетным контактом глаза-в-глаза с Николь, Робби направился к Косте. У Бимакиных он привычно развалился на диване, надел наушники и слушал музыку, пока Костя пылесосил квартиру. Он попросил Костю поставить «типа нормальный медляк» – незатейливые песенки про любовь. Понсу Костя вслед за отцом называл «девчачьей музыкой», слушал нечасто: она почти всегда про неразделенную любовь, других тем нет что ли?

– У меня только старье, прошлый век, папа для мамы собирал.

– Давай любую, сойдет, – Робби был настроен лирически, подпевал: «Я не умру без твоей любви, но что-то сердце болит в груди». «Я все отдам за ночь с тобой», – кратко перевел вторую песню Костя. – Точно, все отдам за ночь с ней, – подумал, но

не произнес Робби, и открыто признался. – Запал на классную девчонку. Ты даже не представляешь, какая она!

Костя действительно не мог представить ее, он учился в другой школе. Целые полчаса Робби потратил на описание того, как Николь сегодня повернулась и посмотрела на него. От избытка чувств Робби не знал, куда себя деть, не смотря на спокойные мелодии, которые фонировали весь разговор. Он вставал, ходил взад-вперед по комнате, опять садился.

– Я не Бред Питт, у меня ни бицепсов, ни трицепсов. Она мажор, я не мажор, – изливал душу Робби.

– Она именно твой листок взяла, именно тебе с контрольной помогла, – успокаивал Костя. В делах сердечных он не дока, но мужская солидарность брала свое, подсказывала нужные слова.

– Мне она не светит. Это однозначно. Повезет кому-то другому.

– Повезет с другой.

– Другой не надо, только ее. Короче, покурим? Ужас как хочется.

Костя не курил, но в четырнадцать лет стыдно признаваться, что не куришь, неприлично не курить, если рядом дымят. Они вышли на балкон, открыли форточку, закурили. Зазвонил телефон, бросив недокуренную сигарету в открытую форточку, Костя побежал к телефону. Робби закрыл форточку, было зябко на балконе, выкурил несколько сигарет одну за другой. Отряхнувшись от пепла, вошел в комнату.

– Слушай, почему твоя мама говорит, что среди музыкантов не бывает преступников? А рокеры? Среди них полно наркошей, думаю, и преступников хватает, – Робби сменил тему, домой идти не хотелось, вот и выискивал, как подцепить Костю на разговор.

– Мама говорит, рок – музыка протеста, бунта, агрессивно звучит. Рваться к свободе двадцать четыре часа в сутки нормальный человек не может. Вот и накачиваются чем попало, искусственно вводят себя в состояние протеста. Плюс соответствующий прикид бунтаря, вечного недовольного.

– Я много чем недоволен. Выходит, я рокер? Классно! А ты кто?

– Просто меломан. Странно, родители не гнобят вроде тебя.

– Не знаю. «Все не так и все не то», – как нельзя кстати прозвучал припев песни, которую в этот момент слушали пацаны, – это про меня. Не знаю, нет кайфа у меня. Кто-то от игр тащится, кто-то от водки, – мне лично такая развлекаловка не подходит. Хочу ловить кайф, а не ловиться, прям с утра сильно скучно. Экстрим – реальный дурдом – тоже не хочу. Я – рокер?! – Новость, что он не обыкновенный пацан, а рокер, завладела Робби. Он блаженствовал.

– Не знаю. Знаю классные имена в роке, Высоцкий например. Папа под его песни вырос. Дед только его слушает круглые сутки. А мама говорит, что Высоцкий не рокер.

– Честно скажи: почему они ширяются и напиваются? – Робби устал от теории.

– Чтобы писать странные песни, нужны странные переживания. Папа рассказывал, художники мучаются, страдают, когда настрадаются, у них великие вещи получаются. У кого страданий нет, создают их искусственно. Наркоманы вначале кайфуют, потом мучаются, чтобы не мучиться колются, и так по кругу, без остановок. Чтобы песни писать, талант и фантазия нужны. У кого таланта нет, тот на дозе.

– Не скажи. Иногда так тошно жить, что отключиться на время всем хочется. Взять и вырубить телик в голове. Давай рок помощней, телик в голове отключим.

Костя включил «We will rock you», взял швабру как электрогитару, Робби схватил трубу от пылесоса, стали качаться, как настоящие рокеры на сцене. За полчаса напряжение дня улетучилось. Робби ушел, Костя сразу засел за учебники, забыл напрочь, что они курили, поэтому не проветрил квартиру и не распылил освежитель. Вика, как только вошла в квартиру, унюхала запах. И началось!

– Сына, куришь? Не жидила от тебя. Ты у меня единственный, папа нас предал, думала, станешь для меня опорой, а ты, оказывается, куришь. Заболеешь, я не смогу за тобой ухаживать, я не могу пропускать работу. Может, ты и травку пробуешь? – начала читать нотацию Вика.

– Мама, ты даешь! Какая травка? – искренне негодовал Костя.

– С кем курил? – грозно продолжила допрос Вика. Костя молчал. – Не верю, что один. С кем курили? С Наминым?

Костя выразительно посмотрел на мать, мол, заставляешь предавать, не по пацанским понятиям это. Он не выдал приятеля, но Вике не трудно было догадаться, с кем Костя курил и кто был инициатором перекура. Сын ее подруги. Муж подруги дымил нещадно, в отличие от Аскара, не курившего совсем. По крайней мере, Вика не видела мужа с сигаретой. Не проронив ни слова после разборки, мать с сыном молча отужинали и уединились в разных комнатах. Первым не выдержал Костя, через час-другой присел к матери смотреть детективный сериал и, между делом, мириться. Мать окончательно простит, если он вместе с ней будет угадывать, кто преступник. Вика почти всегда угадывала убийц. Каждый раз Костя искренне удивлялся, как ей удается уже в начале серии знать кто настоящий преступник. Мать грустно отвечала: «опыт, сына, давно живу, знаю, за что убивают». У Вики были другие задачи время просмотра сериала. Она посчитала, что должна продолжить профилактику.

– Сына, если узнаю, что наркото пробуешь, то... не знаю что сделаю. Лучше смерть. И тебе и мне. Мне сын-наркоман не нужен. Лучше убей меня, потом становись наркоманом. Я не переживу. Это растянутая смерть, пытка годами. Я не выдержу, за что мне? Наркоман всех убивает вокруг себя, буквально и морально. Вспомни Севу из четвертого подъезда. Как он выглядит? До какого состояния он дошел? Если бы только сам. Он родных психами сделал! Неадекватная семья, общаться с ними опасно. Не работают, не женятся. Говорят, сестренка начала колотиться, между прочим, на акушерку выучилась, на работу устроилась. Не верю, что надолго. Запомни: иммунитета от наркомании нет. Костя не перечил матери, иначе нотация не иссякнет. – Сынок, сумей сказать «нет», когда будут предлагать. В рот не затолкают насильно. Сразу скажи мне, если начнут приставать. Сына, ты у меня единственный, я не переживу, если что. Главное: не молчи. Договорились?

Вика заканчивала «профилактические» беседы дружественным «договорились?»: Начиталась литературы и следовала модному совету строить партнерские отношения с детьми. «Никогда не стану наркоманом», – на полном серьезе обещал Костя. Не собирался он становиться наркоманом, курить-то не нравилось, а тут про наркоманию мать речь заводит. Как Костя мог предать мать? Она и так одна, маленькая, худенькая, он уже перерос ее, вокруг никого, кто помог бы с деньгами, с неисправной техникой, с житейскими неприятностями; ее так легко огорчают ситуации и люди, а он утешать стесняется, когда она по ночам плачет. Жалко и непонятно, почему два хороших по отдельности человека, самых близких и родных, жить вместе не могут? Отец живет с другой женщиной понарошку. Скоро спектакль закончится, и они начнут жить втроем. О том мальчике они с отцом будут заботиться, научат кататься на велосипеде и коньках – его отец научил в свое время, – будут навещать, не более того. Новая жена пусть сама решает свои проблемы. Его мама красивее. Действительно, Вика была изящной хрустальной статуэткой, как ее называли подруги, статуэткой, которая носила чаще черную или серую строгую одежду, правда, украшения вешала броские.

Костя не считал отца предателем, отца обманом заманила к себе та курносая вредина. Если папы нет рядом, он должен защитит от всего, что может огорчить маму. Финансовые проблемы, бытовые неурядицы он не может разрулить, но со временем научится. Пока в его власти быть таким, каким мама хочет знать: хорошо учиться,

приблизиться в квартире, не конфликтуя со сверстниками и учителями. Костя даже внушал себе желание учиться на инженера. Вика постоянно твердила: «профессия у мужчины должна быть надежная, с профессией музыканта семью не прокормить», намеренно не отдала сына в музыкальную школу. В будущем Костя станет главой семейства и сумеет зарабатывать нормальные деньги, музыкой будет заниматься в свободное от работы время, но детей своих в музыкальную школу отдаст обязательно.

Сериал кончился, нотация прочитана, Вика и Костя разошлись по своим комнатам. Вика села за пиано и начала петь знакомое: «Я поцелуями покрою уста, и очи, и чело». Пела она редко, особенно перед сном, боялась потревожить соседей. Сегодня ей особенно грустно, поэтому поет. Вику вдруг осенило, надо сообщить о ЧП Аскар, пусть он по-мужски поговорит с сыном. Сама переговорит с Намиными. Завтра воскресенье, как нельзя кстати для осуществления планов Вики. Обычно Вика по воскресеньям работала, иногда ее выходной совпадал с воскресеньем. Намины должны были быть дома. Часов в одиннадцать Вика позвонила подруге. Сухо спросила, в курсе ли Намины, что мальчики курят, намерены ли предпринять меры, чтобы загасить вредную привычку, пока не укоренилась глубоко. Затем набрала Аскара, сообщила новость, как и Наминым, сухо, предложила принять меры, то есть приехать и поговорить с сыном. Аскар будто ждал звонка. Мгновенно, с первого же дозвола, взял трубку, не перебивая выслушал, кратко бросил, что на следующие выходные приедет.

Скот, в отличие от людей, не признает выходных и праздников. Сама не гуляет и хозяевам в деревнях спать вволю не дает. На то она и скотина. Прежде чем положить живность на зубок, ее надо долго кормить, поить, обслуживать. В городе в конце недели отсыпаются. И Намины не насилуют себя активностью спозаранку, тренировками, вылазками на природу, или того смешнее – походами в музеи. По воскресеньям завтрак совмещают с обедом. Мать с бабушкой стараются сготовить вкусенькое, завтрак запаздывает капитально. Еле дождавшись, когда домашние закончат воскресный то ли завтрак, то ли обед, мать увела отца в спальню. Минут через десять вызвали туда Робби. Парень вошел, шагнул и остановился. Отец неторопливо поднялся с широкой кровати, поместил руки на бока, образовав остроугольную букву «Ф», держал паузу. Поза и пауза не предвещали ничего хорошего. Подойдя совсем близко, он взял сына за подбородок, задрал его голову выше, и, глядя в глаза, родил вердикт: «Допрыгался? Примерных мальчиков дымить учишь?» Робби страшно было ответно глядеть в папины глаза, он их прикрыл, со страхом ждал действия. Оно последовало, но не то, к чему приготовился: отец с силой убрал руку с его подбородка, голова запрокинулась далеко назад и по закону маятника тяжелым мячом покорно опустилась на грудь. Уткнувшись подбородком в грудь, Робби начал робко спасать себя: «Он без меня курит. Причем тут я?» Отец, стараясь говорить спокойно, гнул свою линию: «Жалоба на тебя поступила, Вика врать не будет, она интеллигенция. Мало того, что куришь, так ты еще врешь мне. Мне по ушам не езди, я могу отличить, курит парень или нет. Он младше. Он домашний мальчик, музыкант. Ты кто? Троечник. Бездарь». Мать пробовала вступить за сына, отец не дал ей говорить. «Базар разводить не будем. Короче так. К ним ни ногой. Еще одна жалоба на тебя, увидишь, что с тобою сделаю. Разговор окончен. Пошел вон».

«Уф-ф, пронесло, не взрзал», – вздохнул Робби. Родители целое воскресенье провели в спальне, разговаривая, ругаясь, что-то друг другу доказывая. Робби слышал обрывки маминых реплик: «себя вспомни, во сколько ты начал курить». В итоге родители открыто закурили в спальне, забыв, что запах распространяется по всей квартире. «Они курят, им можно, почему мне нельзя?», – ехидничал про себя Робби.

С этого воскресного утра родители исключительно «они», а Робби – самостоятельная единица. Надоели. Лучше держать дистанцию с предками.

Когда отца Робби спрашивали, помнит ли он своего отца, он всегда вспоминал: «бычки помню, папу – не помню». Отец курил много, бросал окурки подальше в угол. Как только уходил, мальчишка подбирал бычки и жадно докуривал. Отец окончательно оставил семью, когда ему было семь лет – время идти в школу – и он пошел получать уличное образование, которое в итоге привело в колонию. Намин зарекся: сыновья не повторяют его судьбу, никогда не окажутся в тюремных университетах. Роббин отец не умел быть примерным папой, но мечтал, что его дети научатся работать, не будут воровать, поэтому бурно отреагировал на известие, что Робби курит. Мало того, приобщает к курению неспорченного мальчишку.

В то воскресенье в семье Бимакиных разборок не было. Некому было поговорить с Костей, успокоить Вику. Как отец мог оставить их одних?! Нечестно. У Робби есть отец, мать, бабушка, братик. Костя с мамой только вдвоем. Костя мечтал иметь братика или сестренку, воображал, как ухаживает за малышами, отважно защищает, как старший брат. Забавный у Робби братик – живая игрушка – вот бы такого к ним в семью. Костя завидовал Робби и не подозревал, что Робби в завидует ему. У Наминых тесно, шумно, громкий и вечный спор, какую передачу смотреть по телевизору. Однако Костя был стопроцентно уверен, в шуме и гаме жить веселее; сообща живут, а не поодиночке.

Аскар примчался на следующий уикенд. Затарился выше крыши, открыл дверь своим ключом, рассовал продукты, приготовил ужин. Первым вернулся Костя. Они долго стояли обнявшись. Аскар не стал журить сына за сигареты. Парню пора их знать на вкус, от табака першит в горле, постоянная горечь во рту, убивающая напрочь удовольствие от любой еды. Потом вернулась Вика, и они провели чудесный вечер вместе, как семья. На следующий день Аскар и Костя поехали к бабушке в деревню, в воскресенье – обратно в город. Аскар вел машину, печальный Костя отвернулся в окно. Аскар чувствовал вину перед сыном. Выглядело бы по-свински, если бы Аскар притворно хорохорился, через пару часов им предстояло расстаться надолго. По дороге в город Аскар решил провести обещанную Вике профилактическую беседу.

– Сына, мы с мамой волнуемся за тебя, ты у нас единственный, – начал Аскар.

– Нет, не единственный. У тебя второй сын есть. Запасной, если что со мной случится, – буркнул Костя.

– Зачем ты так? Так вышло. Я думаю о тебе больше, чем о нем.

– Конечно. Я далеко, он рядом. Ты кинул нас.

– Сына, вероятно, ты прав. По крайней мере, меня отец не бросал. Я ничего не могу исправить. Ничего не могу изменить, – как молитву произнес Аскар.

– Можешь, только не хочешь, – Костя был суров по-прокурорски.

– Предлагаешь бросить маленького мальчика, который называет меня папой?

– Что тут подлого? Меня в двенадцать лет бросил, опыт есть. Он тоже привыкнет, переживет. Мама постарается, замену найдет.

– Зачем ты так?! Ты ее не знаешь. Ладно, сейчас не о ней. Пока я жив, я буду думать о тебе, нравится тебе твой отец или нет. Другого нет, поэтому я хочу объяснить, почему не стоит курить. Твой дедушка курит редко, я, дядя Анвар, дядя Эдгар почти не курим и тебе не советуем. Привыкают легко, отвыкают трудно. Почему альпинисты ходят в горы? На высоте вырабатываются особые гормоны, в низине они не вырабатываются. Люди лезут на скалы, чтобы испытать действие этих гормонов, сделать их запас, без них не находят себе места на равнине. Это называется зависимостью. Ходить в горы – это редкая, но нормальная зависимость, курить – это ненормальная, вредная зависимость. Зависимый человек себе не принадлежит, раб.

Мы с мамой хотим, чтоб ты вырос сильным и свободным парнем, мог говорить «нет» неправильным соблазнам. Если не распознаешь, что соблазн неправильный, жизнь накажет, не хило так накажет, всю жизнь расплачиваться будешь, – Аскар замолчал. Сын не догадывался, о каком в данном случае неправильном соблазне думает отец.

– Как я различу, что соблазн неправильный?

– Жизнь подскажет. У жизни банальные, я бы сказал, примитивные правила, они на виду. И соблазны все на виду, перепутать сложно.

– Если это лекция по поводу сигарет, то еще раз говорю, маме несколько раз говорил, не собираюсь я пыхтеть как паровоз. Сколько можно об одном и том же? Не верите мне? А я, значит, вам верить должен? Наркоманом и алкашом ни за что не стану. Вы с мамой такие странные, не знаю, что вам мерещится. Вы других детей не знаете, как они чихать хотели на родителей, – вырвалось у Кости.

– Яволь, согласен, ты у нас хороший мальчик, – заключил беседу погрузневший Аскар. В отличие от сына, он скрывал искуснее, что ему тоже грустно до слез от предстоящего расставанья, расставанья с сыном, который стал почти взрослым мужчиной.

До города они добрались в обед. После обеда Аскар уехал к ней и к нему. Костя принялся фантазировать: вот он сломал ногу, папа приехал за ним ухаживать, нога не срастается, папа вынужден оставаться все дольше и дольше, в конце концов остается навсегда. Однако в понедельник нога не сломалась, все пошло в обычном режиме: школа, возвращение в пустую квартиру, ужин с мамой поздно вечером, всегда и повсюду музыка, музыка.

ГЕОГРАФИЯ

Утром у Робби не было настроения идти в школу. Химия и Николь не грели душу. Почему ему нельзя курить?! Не все девятиклассники курили, кто хотел, курил. Он хотел, не мог. То денег на сигареты нет, то под надзор поставят, по струнке ходишь. На каком основании? Он, что, рыжий?! Робби не верил, что его одноклассникам точно также запрещают курить, выдумывают и применяют санкции, вроде домашнего ареста и лишения карманных денег. Только его на домашний арест сажают, только его бабушка пасет, только ему перекрыли кислород.

Учителя-мужчины – редкость в школе, директора школ держался за них обеими руками. Одним из подобных уникалов в школе Намина был учитель географии. Кроме вдумчивых и любознательных умников и умниц ученики не ценили сей директорский раритет. Географ, высокий деревянный мужчина в очках с толстыми линзами, двигался на длинных негнущихся ногах как циркуль, за что получил прозвище «Циркуль». Циркуль был полон благих педагогических намерений, но обладал вспыльчивым и обидчивым характером, что является прямым противопоказанием в работе с подростками. Недоросли жестоко издевались над ним. На уроках царил перманентный хаос из-за неспособности Циркуля управлять классом. Когда атмосфера на уроке, наконец, устаканивалась, географ делился информацией, на которую вряд ли наткнешься на страницах учебников или Интернета. Прорываясь сквозь девятый вал шума в 9 «А» рассказом про экономику Юго-Восточной Азии, Циркуль упомянул «золотой треугольник», где производят лучший в мире героин. Старшеклассники восторженно, внимательно посмотрели на карту мира, куда показал учитель. Ясно: плохое дело «золотым» не обзовут. Ученики добровольно прервали галдеж, стали перешептываться, наглые подходили к карте рассмотреть и запомнить расположение «золотого треугольника», упрашивая Циркуля вновь и вновь показать нужное место на карте.

Один Робби сидел, повернувшись не к карте, к окну. Оба за наказание и запрет курить кровоточили. Будто нарочно учитель сыпал соль на рану. Зачем знать местоположение «золотого треугольника»? Неужели одноклассники не против съездить туда и испробовать таинственный героин, о котором столько говорят и пишут? Робби не участвовал во временном массовом помешательстве, он выше щенячьих писков по поводу героинового кайфа. «Эксперты» выискались! За простые сигареты влетает по самые уши, а они треплют языками, о чем не имеют ни малейшего представления. Активность одноклассников выводила из себя, позарез захотелось скорее попасть на любимый диван, уснуть, забыть про паршивую жизнь, где нет кайфа. Кто придумал рамки, что можно и нельзя? Он лучше знает, что лично ему нужно. Он никого не убил, не избил, не ограбил, просто выкурил пару сигарет, а «они» подняли хай-вай.

Робби не трогало оживление в классе, он глубже и глубже погружался в свои размышления. Постепенно выстроилась цепочка, которая по замкнутому кругу крутилась и крутилась в башке. Почему производят героин – понятно, его покупают и потребляют. Зачем потребляют героин, если он опасен? Единственный логический вывод: он что-то еще кроме вреда дает. Не все патологические идиоты, кто подсел на наркоту. Им без него хана, как нам без хлеба, китайцам без риса. Что героин дает? Попробовать бы разок, самому прочувствовать, насколько он опасен и потом сразу опять в ненаркомана превратиться.

Робби вспомнил, как «попробовал» прыгнуть с десятиметровой вышки на озере. Вместе со знакомыми ребятами взобрался на вышку посмотреть панораму озера, засмотрелся на небо, пацаны толкнули вниз. Секунда полета – и он больно плюхнулся об воду животом. Он испугаться не успел, вошел в воду с открытыми глазами. Голубое летнее небо переместилось под воду, его окутало белым облаком пузырьков. Вода проявила благородство – вытолкнула непрошеного гостя на поверхность. Робби глотнул воздуха и тут понял, что произошло, испугался, когда увидел ребят на берегу, они напряженно следили за Наминым и готовились броситься на помощь, если он закричит. Намин не закричал, сделал вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло, как можно ровнее доплыл до берега. С тех пор Робби с вышек не ныряет. Испытать бы, что за хрень наркотики, и забыть про них.

После уроков Робби поковылял домой, не отклоняясь от маршрута ни на шаг. Шаг влево, шаг вправо грозил расстрелом вначале от бабушки, вечером от мамы. Почти возле подъезда навстречу попался Джан. Ребята поздоровались.

– Чё такой хмурной?

– Ничего хорошего. Курнуть и то нельзя. Пару сигарет выкурил, пахан под домашний арест посадил. Тошно.

– Дорогой, травку тебе надо, настроение изменится. Гарантирую результат.

Роби впал в замешательство. Вся округа была в курсе, что Джан торговал запретной травой. Как он не боится прямо на улице предлагать травку малознакомому парню?! Неожиданное предложение сильно озадачило Намина.

– Робби-джан, дорогой, не переживай, угощаю бесплатно. Третьим хочешь? Втроем в самый раз. В первый раз много вредно. Чё ты, как маленький, раздумываешь, пошли, – соблазнял Джан.

– Ну, не знаю... Ладно, рюкзак домой заброшу, я быстро, – внезапно согласился Робби. Почему бы и нет? Он лишь подумал, а шанс – золотая рыбка – сама плывет в руки. Это не случайное совпадение, знак. Робби не догадывался, что на улице полно «золотых рыбок», шастают в поиске клиентов.

– Я пока пойду хавчик хавать куплю, здесь, – указал на киоск Джан.

Робби взлетел на нужный этаж, позвонил в дверь, открыла бабушка. Максимально приближенным к обычному тоном выпалил, что весь класс должен участвовать

в спортивных соревнованиях с соседней школой, ему некогда, он не будет обедать, только переоденется. Бабушка успела всучить Робби булочки с сыром, когда он стоял уже на пороге и закрывал за собой дверь. Он автоматически сунул булочки в карман куртки. Джан ждал возле подъезда. Юноши пошли в сторону новостроек примерно две остановки. Возле входа на стройку их встретил незнакомый парень. Пожав друг другу руки, парни перезнакомились между собой. Во главе с Джаном тройка вошла на территорию стройки. Вышел охранник и унял злощущую собаку, которая рвалась покусать непрошенных гостей. Джан, здороваясь с охранником за руку, незаметно вложил в ладонь сторожа маленький пакетик. Парни поднялись на третий этаж недостроенной высотки. Джан уверенно повел по лабиринту комнат в самую дальнюю и просторную. В комнате рамы были уже установлены и занавешены тряпечницей, с потолка на длинной проволоке свисала одинокая древняя лампочка, на полу валялись сложенные картонные коробки с наваленными поверх куртками, ящиками, одеялами. Парни приземлились на них. Несмотря на холодный ветер снаружи, в комнате было тепло и сухо. Джан собрал куртки, одеяла в одну кучу и ребята пересели на них. Он достал косяк из «Петра 1», закурил, затянулся глубоко, задержал дыхание и передал косяк Робби. По его примеру Робби глубоко втянул в себя дым, задержал его внутри, курево протянул соседу. Как только дым вошел в Робби, струя горячего тепла дошла до кончиков пальцев на руках и ногах, голова потяжелела и плавно закружилась, тело расслабилось, обмякло; стало невероятно приятно. Комната превратилась в самую уютную на свете, пацаны рядом казались самыми дружелюбными в мире.

У тройцы развязался язык. Заговорили о жизни, машинах, девушках, сделали еще по две затяжке – и косяк кончился. Телевизор в голове Робби тоже выключился, точнее, с постоянной прокрутки обид переключился на демонстрацию приколов. Робби было нереально хорошо, ужасно весело. Все кругом выглядело настолько безумно, что удержаться от смеха смог бы, наверное, лишь патологический тормоз, а Робби – нормальный парень. Ребята смотрели на кусок засохшей шпаклевки на полу и хохотали до упаду. Шпаклевка, как в компьютерном анимэ, превращалась то в аллигатора, то в голую девушку. Деревянная щепка раздулась до гигантского катера и уплыла в дверь. Потом щепка-катер выплыла из груды тряпок и трансформировалась в живое существо с тоненькими ножками и длиннющими усиками.

– Таракан, – радостно завопил Джан, указывая пальцем на щепку. Там, где он раньше жил, тараканы еще водятся. «Таракан, таракан», – задергалась в дикой пляске пацаны под собственный аккомпанемент. Робби никогда не видел тараканов, тараканы в их городе вымерли, однако твердо верил, что видит именно этих тварей, и присоединился к всеобщей радости, вызванной тараканом.

Прошло минут сорок безостановочного феерического хохота. Хохота, от которого болит живот, трудно дышать и невозможно говорить, слова ни к чему, одни эмоции. Ржачка постепенно остыла, взамен навалились благодушное настроение и голод. От головокружения и внезапной слабости Робби мягко прилег на пол. Захотелось не просто кушать, а жрать, что и было сделано. Парни съели все припасы, которые нашлись у парней; бабушкины булочки с сыром совали в рот целиком, чтобы не поперхнуться, еду запивали холодной водой прямо из ведра. Холодная вода, принятая внутрь и на лица, привела в нормальное внешне состояние. Довольные парни попрощались как закадычные друзья и разошлись по домам. Дома Робби проглотил бабушкину стряпню и завалился спать.

Вечером бабушка встретила всех радостной вестью: Робби отошел от обиды, поел с аппетитом, крепко спит. Робби разбудили перед ужином. Он вышел к столу без обычной гримасы несправедливо обиженного. Робби источал миролюбие и в последующие дни. Появилась раскованность в общении с одноклассниками и дво-

ровыми пацанами, дерзил учителям и соседям. Приключение на стройке непрерывно всплывало перед глазами и не давало покоя; мелочи жизни – запреты, учителя, отец, Николь, Костя – отошли на задний план и лишь иногда напоминали о себе. Тем временем прошли новогодние праздники и школьные каникулы, стартовала учеба, возобновилось занудство в школе и дома. Дни становились длиннее и светлее, однако солнце бодрости Намину не прибавляло. Наоборот, Робби мрачнел и мрачнел.

Мрачнел и Костя. Аскар устроил им с Викой настоящий рождественский вечер, но встречать Новый год уехал к новой семье. На каникулах Аскар отвез Костю погостить к младшему брату, дяде Эдгару. У Эдгара росли двое сыновей-подростков и маленькая дочь. Костя замечательно провел зимние каникулы в деревне, но они пролетели до обидного быстро, и Костя вернулся в пустую квартиру. После шумной кутерьмы в доме Эдгара, тишина больно резала слух и жестоко пыталась; он не мог заснуть в стоящей неподвижной тишине, расслабиться не хватало чьей-то возни или храпа, или хотя бы включенного телевизора в соседней комнате. Вместе с тишиной навалилось одиночество. Одиночество рождается, живет и умирает в тишине.

Аскар и Эдгар договорились, что летние каникулы Костя проведет с семьей Эдгара. Это будет летом. Надо ждать целых полгода до следующей поездки в деревню. Пока же Костя знал наверняка две вещи. Первое: отец не придет к ним до лета, нет повода. Второе: он никогда не оставит того маленького мальчика, потому что Костя большой, тот мальчик маленький. Ему в четырнадцать лет пора узнать одиночество во взрослых дозах. Мужайся, сын мой, мужайся, терпи одиночество, ты большой. Почему он должен лишаться детства, наподобие детства двоюродных братьев? У Эдгара он окончательно понял, что семья – это компания, которая все дела делает вместе: убирается, кушает, готовит уроки, смотрит телик, даже в разборках участвуют все, включая собаку. Если братья выясняют отношения, пес не остается в стороне, бегает вокруг и громче обычного лает, вносит свой голос в разбор полетов. На лай собаки выглядывают взрослые, приходится улаживать конфликт самостоятельно, иначе влетает обеим сторонам.

Собака – друг человека, особенно мальчика. Костя мечтал о щенке с детства. Уже поздно, он не молокосос бегать со щенком на руках. Подошло время искать друга среди двуногих. Занимался этим Костя перед сном, перебирал предполагаемых кандидатов в друзья. Робби не годился в друзья, они приятели из-за мам, вынуждены меж собой общаться, у обоих нет друзей. Двоюродные братья тоже не друзья. Братья больше чем друзья – родная кровь – часть Кости, и они далеко. Друг – это неродной человек, ставший близким-близким, брат не по крови, и всегда рядом. Среди одноклассников Костя не видел надежных друзей. Он пользовался авторитетом в классе из-за эрудиции, любви к музыке, незлобного характера. Ребята в классе были устроены примитивнее Бимакина, смутно догадывались об этом и держались в стороне от благовоспитанного отличника. Костя ни с кем не откровенничал; откровенность – залог дружбы, поэтому не имел друзей. Аскар ему внушил: мужчина не должен изливать душу ни перед кем, тайна на то и тайна, чтобы о ней знал лишь ее обладатель, если тайна выходит за пределы единоличного обладания, она перестает быть тайной. Костя решил вести себя как истинный мужчина, чтобы убедить в этом мать, и, главное, отца.

В отличие от Кости, Робби не мучился от одиночества, мучился в одиночестве, ни в чем не находил удовлетворения, никому не мог рассказать о пережитом эксперименте. Знание, что бывает смешно без причины, растягивало его лицо в улыбку. Классно смеяться просто так! Большинство людей скучно живут. Всего-то требуется покурить травки, чтобы «жить стало лучше, жить стало веселей»; без косяка наступает реальный дурняк, неадекватно реагируешь на ерундовые замечания, нервно вздрагиваешь от внезапного звука, постоянно мерзнешь. Теперь он нехотя выползал

из кокона постели, словно змея из старой кожи, регулярно опаздывал в школу, пропускал нелюбимые первые уроки. «Сидеть на измене» нелегко: страх, что застукают, разноухают и накажут, любого сделают нервным и подозрительным типом.

Важные события в основном происходят на последних уроках, так что Робби не пропускал наиболее значимые из них. Николь перед началом последнего урока в субботу пригласила класс отметить день Святого Валентина у нее дома. Попросила записать адрес, номер домашнего телефона, чтобы родители могли созвониться с ее родителями, если возникнет недопонимание. Всезнающие девочки зашептались: «у нее день рождения, ее родители не хотят, чтобы мы тратились на подарки, бесплатно угощают».

Робби растерялся. У него непроизвольно задергалась правая нога. С некоторых пор, когда он сидел за столом в классе, у него временами ритмично дергалась правая нога. Это нравилось, придавало взрослости. Дома нога не дергалась, наверное, боялась, что заметят предки. Временами Робби «включал» ногу, чтобы продемонстрировать одноклассникам, какой он взрослый, он уже приобрел тик, в отличие от них, сопляков, которые пороху не нюхали, веселящей травки не пробовали. Тут нога сама включилась. Что подарить, что надеть, как себя вести, удастся ли пригласить Николь на танец, насколько близко можно будет прижать к себе? Мысли лихорадочно сменяли одна другую. Минут через десять Робби успокоился, нога перестала дергаться, мысли зафиксировались на актуальной: нужна травка, тогда он будет смелым, свободным, раскованным.

После уроков школьники бегают курить в укромное местечко. Возле школы проходит неглубокий овраг, по краям оврага высоким забором растут густые кусты непонятно чего. Старшеклассники проходят через лаз в кустах, спускаются по пологому склону на дно широкого оврага и оказываются в идеальной курилке: свежий воздух, отсутствие любопытных глаз, звукоизоляция, если устал стоять, можно откинуться на кусты, отдохнуть. Учителя прекрасно осведомлены о курилке, однако не заглядывают туда; они или не курят совсем, или курят в другом месте. Робби посещал курилку редко, от случая к случаю. Вечеринка у Николь – тот самый случай, что не умещался в нутро, требовалось перетереть информацию. Иногда в овраг заглядывал Джан «поработать». «Работой» Джан называл распространение товара в школах и колледжах. Особо «работой» он не утруждался, выходил на вербовку, если кончались деньги или хотелось покурить травки с новичками. Джану более всех обрадовался Робби, чем обрадовал Джана. Джан понял: потенциальный кандидат превратился в постоянного клиента после первой же халявы. Не джек-пот, конечно, но тоже неплохо. У Джана было мало клиентов среди школьников, да и те относились к категории ненадежных покупателей.

Робби и Джан выкурили по сигарете и заговорили о «тех» сигаретах. Без них, жаловался Робби, уснуть трудно, голова трещит, настроение паршивое, ничего не клеится, отстой по всем направлениям. Джан внимательно выслушал, сказал, может помочь, но не бесплатно, бесплатным бывает сыр в мышеловке, кайф стоит денег, но готов выручить Робби и дать травку в долг. Парни договорились о цене и сроках, когда Робби отдаст долг. Оставшись в овраге одни, Джан и Робби выкурили косяк на пару. Все повторилось. Их классно поперло. Безостановочный ржач, небольшая слабость и адский голод. Еды не было. Робби с Джаном выбрались из оврага и, немного качаясь, добрались до ближайшего магазинчика, где накупили еды на деньги Джана, что было обговорено заранее. Уселись на ближайшей скамейке, съели жратву, откусывая большими кусками и проглатывая, почти не прожевывая, чем пугали проходивших мимо старушек. Любопытная малышка с восхищением глазела, как, оказывается, можно пожирать еду. Опытный Джан не забыл купить двухлитровые

баклашки сладкой газировки, иначе бы они поперхнулись едой всухомытку». Робби был доволен, расслаблен, сыт. Осталось выспаться. Спать некогда: надо организовать подарок для Николь. После «сеанса» Робби вновь поверил в себя.

Дома Робби деловито изложил ситуацию бабушке, та перезвонила дочери. Мать лихорадочно перебирала, что не стыдно подарить престижной однокласснице сына. Духи – рано, мягкую игрушку – поздно, косметику – пошло. Посоветовалась с Викой, женщины остановились на красочно изданной книге или в меру дорогой ручке в коробочке, плюс цветы. Робби и книга не сочетались, окончательный выбор был сделан в пользу ручки. Мать выделила денег на «приличный» букет. Робби тщательно вымылся, надушился, надел выходную рубашку. Мелкий скакал вокруг брата и радостно передразнивал: «Жених, жених». Пока сын прихорашивался, мать сбегала в ближайший супермаркет за подарком. Вернувшись, открыла коробку, где на бархатной подушечке лежала изящная ручка из стали со встроенными электронными часиками. Намины одобрили часики. Положив деньги на букет во внутренний карман куртки, а коробку с ручкой держа в руке, Робби ушел на вечеринку, пообещав цветы кушать по дороге.

По дороге к Николь Робби думал, почему она учится не в элитной гимназии, а в их рядовой школе. Отец Николь работал почти главным в крупном банке. Он считал, что дочь не должна отрываться от простого люда, тогда будет меньше проблем с ее воспитанием. Дочь и без этих мер не создавала проблем, потому что была умна и, как ни парадоксально, милосердна. Николь трогали чужие увечья, нищета, неблагополучие. Старомодное милосердие развила гувернантка, приучившая читать художественную литературу и правильно подбиравшая книги. Образ мертвого мальчика с набитым кукурузными початками животом и ехавший в том же собачнике его живой брат-близнец из «Ночевала тучка золотая» долго не отпускал впечатлительную девочку. Она не понимала, почему окружающие не видят доброту дяди Тома, у которого есть только хижина. А как жестоко люди расправились с Муму и с Белым Бимом Черное ухо? Умных книг не перечсть. Стоит ли познавать «дурную» бесконечность, как бесконечность называют мудрые люди? Книги лепили из девочки эмоционально ранимую барышню. Отца тревожило, что дочь растет сверхчувствительной и отвел ее в секцию восточных единоборств. Николь занималась спортом увлеченно и достигла определенных результатов. В общем, девушка заслуживала похвал всесторонне, поэтому родители и организовали домашнюю вечеринку для ее друзей, хотя виновница торжества сопротивлялась затее.

Жила Николь в квартале через дорогу от хрущоб в «дворянском гнезде», застроенном малоэтажными одноподъездными домами повышенной комфортности. Робби легко нашел нужный дом. Возле подъезда уже группировались одноклассники. Ровно в 18:00 они позвонили в дверь. Им открыли, проводили в столовую, где стоял длинный стол, накрытый, с точки зрения школьников, «как в дорогом ресторане». Из 9 «А» мало кто сиживал в дорогих ресторанах. Николь в длинном до пола платье, младший брат и мама встречали гостей. Парни и девушки подходили к Николь, вручали подарок, говорили пару фраз. Смельчаки вместо заученных поздравлений произносили искренние комплименты. Настал черед Робби. Он вручил коробочку: «Спасибо, что даешь списывать. Партия и правительство не забудут». Николь зарделась немного и, проглотив смущение, вежливо поблагодарила. Он удачно вставил выражение, которое позаимствовал у дяди Алика.

«У-уф, пронесло, не лоханулся», – похвалил себя Робби, уступил место следующему. Сегодня его день, он поймал кураж. Родители и одноклассники еще не знают, на что способен он. Робби потянуло в туалет облегчиться, газировка просилась наружу. Он вышел в коридор, сориентировался и открыл нужную дверь. Туалет поразил. По

размеру отхоже место было с их детскою. Более всего поразил не размер туалета, не отделка мрамором, а напольная ваза с розой персикового цвета. Во живут! Намины освежители воздуха позволяли себе покупать не всегда, тут для аромата торчат живые розы. Из туалета он вышел расстроенный: аристократка Николь, увы, не для него.

Робби вернулся в столовую, одноклассники уже рассаживались за накрытым столом. Девочки сплошь нарядились в обтягивающие одежды, накрасились как модели с обложек гламурных журналов, – словом, выглядели чисто по-взрослому. Пацаны на их фоне смотрелись простачками. Исключение – Тим; приперся в гаповской футболке, на голой шее массивный трос, с букетом безупречных голландских тюльпанов. Родственники Николь незаметно удалились. Гостей обслуживал профессиональный официант в белоснежной рубашке. Он предлагал шампанское, белое и красное вино. Поначалу 9 «А» пил колу и фанту. Позже школьники расхрабрились, пили все подряд, что наливал официант; ели все подряд, хотя еда была непонятно из чего приготовленной, все равно вкусной. Правда сложных блюд, устриц и лобстеров всяких, не подавали, искушение их изведать хоть здесь и бесплатно терзало немалую часть гостей. Ведущий бесперебойно забавлял разными викторинами, пока парни и девушки расправлялись с кушаньями. Когда были съедены и первое, и второе, и десерт, большой стол разобрали, маленький столик с напитками и фруктами задвинули в угол, торжество плавно перешло в дискотеку. Класс задергался под бодрящие ритмы. Девочки реально стали взрослыми, танцевали сальсу весьма эротично. Из мальчиков только Тим подыгрывал им в этом деле.

Главная интрига школьных вечеринок наступает во время медленных мелодий. Именно во время танца в обнимку ясно, кто кому симпатизирует. Пригласить Николь на танец Робби не успел. Мачо Тим галантно пригласил именинницу первым. Робби решительно подошел к стоящим кучкой девчонкам, схватил за руку Аню, потянул ее в центр. Они неприлично сблизилась, почувствовали бугорки тел друг друга. Шаловливая кошечка, нарисованная на топе Ани, дразнила Робби. Было необычно. И очень приятно. Почему вечеринки не каждый день? Неожиданно девушка прижалась еще теснее, и прошептала в самое ухо: «Могу сделать хорошо, организуешь?» Робби растерялся, затем испугался, когда дошло, о чем это она. Он впервые слышал лестное для каждого мужчины предложение, но не был готов к интриге. Намин подавил растерянность показным безразличием: «Не с тобой. У меня есть с кем». Не успел произнести, как пожалел об этом. Почудилось, будто Мелкий прыгал вокруг, как давеча, со своим «жених, жених», теперь с «испугался, испугался». Зря отказал. Аня, стерва, вычислит, что Робби не дозрел, разболтает подругам, опозорит. Назло ей обязательно надо пригласить Николь. Мелодия кончилась, Аня с Робби разошлись в разные углы ринга.

На второй медленный танец Робби пригласил Николь. Танцевал с ней не так тесно прижавшись, как до этого с Аней. Робби пробирала предательская дрожь, пока он держал Николь, шепотом вел беседу, касаясь губами ее уха, время от времени нагло смотрел в глаза. Николь отводила взгляд. Мелодия закончилась, Робби отвел Николь к девушкам, сам отошел к ребятам. Никто не съязвил в их адрес, следовательно, он на уровне мачо Тима. Стоило курнуть те сигареты, как Робби переродился из Хмурого в реального пацана, пусть не в самого крутого, но и не в самого хилого.

После трех медляков опять перешли на «танцуют все». Самовыражались как заблагорассудится. Стремилась показать максимум, на что способны. Солирующим танцором, все же, был Тим, с его бешеной энергией и необычной рваной пластикой. Тима вытолкнули в центр, он без усталости копировал движения шоу-звезд, остальные извивались вокруг него. В разгар веселья вошел отец Николь, включил свет. Потные, уставшие и счастливые старшеклассники перестали дрыгаться. Мужчина извинился

и объяснил, что пора расходиться по домам, чтобы их родители не волновались. Он попросил дозвониться и сообщить, добрались ли они благополучно, чтобы он не волновался. Позже ребята действительно отчитались перед отцом Николь: солидный ведь дядька просил.

После вечеринки Робби проспал до обеда следующего дня. Вышел к завтраку-обеду в плохом настроении.

– Похмелье? – приветствовал отец. – Не надо было мешать водку и шампанское.

– Водки не было. Вино разное и напитки, – пробубнил Робби. Ему плохо, отец лезет на конфликт со своими плоскими шуточками.

– Ты что пил? Говорят, голова болит от красного вина, – встала мать.

– Говорят, в Москве кур доят, а коровы несутся. От хорошего вина голова не болит, – внесла свою лепту бабушка.

– Что наливали, то и пил, официант работал. У них в туалете живая роза.

– Во люди живут! Розы в туалетах, воду детям разливают официанты. Ты различные цветы купил? – вопрос резанул по ушам, Робби поперхнулся. – Тюльпаны. Крупные как искусственные.

Информация про официанта, про розу в туалете, про длинное в пол платье сразила мать наповал, новость слишком тяжела для нее, побежит делиться с другими мамами, будет ей чем заняться в воскресенье. У Робби важное дело, надо вернуть долг Джану. Большая удача, что ему выделили деньги на букет. Если к ним добавить заначку, то без проблем наберется нужная сумма. У него разболелась голова от мысли, что он останется совсем без средств. Неуютно и... рискованно для здоровья быть на полном нуле. Накануне Робби и Джан условились о встрече в семь вечера на детской площадке, если Робби не хочет, чтобы Джан включил счетчик. Робби чувствовал, к Джану он будет не раз обращаться, поэтому нельзя портить отношения с дилером. В этот раз он нашел деньги. Что будет в следующий раз? Страшно представить! Это будет потом, сейчас не стоит и думать. И Робби думать не стал.

Они встретились на детской площадке. Робби передал деньги Джану, искренне поблагодарил. Джан был не против поболтать с Робби, но Робби поспешил домой. Завтра и в последующие дни надолго будет школа, привычное занудство учителей, придирки родителей, и ни следа от вчерашней вечеринки. Лишь воспоминания о кайфовой ржачке будут согревать душу, хотя практикующий «химик» Робби отрицал существование «души» и других эфемерных понятий.

(Окончание следует)